

Владислав Тихонов

Сказки мрачных краёв

Владислав Тихонов

Сказки мрачных краёв

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Тихонов В. Г.

Сказки мрачных краёв / В. Г. Тихонов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Сборник пародийно-фантастических новелл, объединённых темой прощания с концом двадцатого века. В качестве обложки использована картина художника Питера Брейгеля Старшего "Притча о слепых". Содержит нецензурную брань.

ГОЛУБИ И БОЯРЫШНИК

– Гули-гули, гули... На, жри, жри падла, пока я добрый.

Высунувшись в окно, Толян швырял на цинковый больничный карниз куски хлеба. Мякиш был предварительно пропитан настойкой боярышника. От проспиртованного хлеба голуби зверели и устраивали на карнизе побоища. Перья разлетались серыми ошмётками, капли голубиной крови брызгали на грязное стекло. Толян очень любил смотреть на эти схватки.

– До чего гнусные твари! – восхищался он. – Прямо как люди... Тож за бухло друг дружку поубивать готовы!

– Ты это прекращай! Надоело уже! Хватит! – гневался старик Рафат Шурафович. Голубиный шум за окном мешал ему дремать после обеда. – И так уже эти голуби всё окно засрали! Заразят какой-нибудь гадостью! Мало нам своих болезней!

Но остальная палата с одобрением относилась к выдумке Толяна. Все бурно ликовали, глядя как пьяные сизари мочат друг друга. Всем это нравилось. Швырять пакеты с водой в ютившихся под больничными стенами бомжей надоело ещё на прошлой неделе. Да бомжи и прятаться стали лучше. Так что голуби были в самый раз.

– Не хуёвничай, старый! Не показывай жопу коллективу, не то коллектив покажет жопы тебе! – вразумлял старика с соседней кровати Степан Грабуткин.

Рафат Шурафович ворчал что-то невразумительное и недоброе, но скандалить больше не смел. Коллектив пугал старика своей неприличной буйностью.

Но скоро голубиная травля наскучила коллективу. Все последовали примеру старца Рафата. Кто – вытянувшись во весь рост, кто – свернувшись какашкой, пациенты неврологии захрапели на неудобных своих казённых койках. До ужина ещё долго.

Толян выпил сам пару пузырьков любимой настойки (боярышником этим он затарился вчера в аптечном ларьке; отличная штука – стоит копейки, а эффект...), сходил в туалет пописать-покурить и лёг отдыхалово.

Почти десять лет непрерывных обследований по всяким больницам не принесли никакого результата – врачи так толком и не поняли, чем же всё-таки болеет Толян. А то, что он болеет, и причём нешуточно, становилось ясно всякому, кто Толяна видел.

Был Толян весь скрюченный-перекрюченный, покрытый странными чёрно-рыжими пятнами, с дикими косыми глазами. Толяновы руки торчали из туловища под каким-то безумным углом – будто их вырвали из плеч, а затем наспех, грубо воткнули обратно. Руки эти напоминали сухие лапы гигантского насекомого, inferнальной апокалиптической саранчи. Они постоянно что-то делали: крутили, ломали, роняли, рвали, портили... Даже одеть своего хозяина они могли с трудом. Влезть поутру в штаны было для Толяна сущим наказанием. Руки выворачивали грязные треники туда-сюда по десять раз, нередко путая с рубашкой, и Толян под жизнерадостный гогот всей палаты жалобно проклинал «сранных китайских уёбков, шьющих такое дерьмо».

Каждую весну по настоянию своей старшей сестры Толян ложился в стационар – несмотря на неясность причин жалкого физического и умственного состояния, его пытались лечить. И попутно тщетно пытались выяснить, что же именно так обезобразило некогда вполне нормальное тело. О мозгах речи не было – они у Толяна с самого детства сбоили и глючили.

Вот и нынешнее обследование ни к чему вразумительному не привело. Понятно было лишь то, что недуги Толяна возникли по причине нарушений в центральной нервной системе (вызванных, возможно, воспалительным процессом, перенесённым ещё в детстве). Этой версии врачи и придерживались. Толянова сестра надеялась, что брата ещё можно как-то подлечить, превратить в приемлемого члена общества и заставить работать каким-нибудь там сто-

рожем. А самому Толяну было плевать. Его вполне устраивала пенсия по инвалидности – на боярышник да на курёху хватает – и ладно.

Скудный рацион, обеспечиваемый любящей сестрой, Толян разнообразил охотой. В кармане заношенного отцовского пиджака он носил подкову. Проходя по улице мимо ничего не подозревающих голубей, занятых расклёвыванием обронённого кем-то чебурека, Толян внезапно выхватывал подкову и метко, навесиком швырял в птиц. Подкова если и не прибавляла насмерть, то уж увечила сизаря так, что спастись бегством он не мог. Дальше оставалось только схватить вопящего в агонии пернатого говнюка, свернуть ему башку и сунуть в старенькую полосатую сумку – секундное дело. Добычу Толян увозил обычно в сестринский сад, где жарил на костре. Под боярышник голубь был самое заебись.

Лёжа под больничным одеялом, Толян внимал анекдотам, которые травил Грабуткин. Квазимодоидальный Грабуткин проработал всю жизнь на радиоактивном объекте – производил начинку для водородных бомб. Как следствие, он был инвалидом второй группы и обожал рассказывать анекдоты. Рассказывал он их даже тогда, когда никто не слушал. Степан Грабуткин был похож на каракатицу – толстопузый, мелкоголовый подонок на высохших тоненьких ножках. Толян любил подонков – в них видел он неопровержимое доказательство существования идеальных форм живой материи.

– Га-га-га!!! Гы-гы-гы!!! – одиноко грохотал Грабуткин над своими анекдотами. Задремавшая было палата завозмущалась.

– Заткнись, козёл! Не видишь – люди спят!

– Да я ж шоб вам веселее хотел!..

– Заткни-ись!..

Сильнее прочих возмущался тощий интеллигент в углу возле умывальника – он не любил Грабуткина и рад был всякому поводу наехать. Обиженно сопя, Грабуткин уполз в соседнюю палату – в карты играть.

Лишённый анекдотов Толян уснул быстро. Глаза его открылись, только когда дежурная медсестра заорала: «Больные, ужинать!».

Ночью, как обычно, Толяну не спалось. Он слушал, как пердит во сне старик Рафат Шурафович, как скрипит зубами интеллигент в углу, как скулит и повизгивает проигравший семьдесят рублей Грабуткин. В этих звуках не было никакой тайны, ничего чудесного. Толян скучал. Протянув руку к тумбочке, он нашарил в её недрах свои запасы. Зазвенел пакет – толянова рука выгребла из него очередной боярышниковый фанфурик.

Ядовитый вкус заветной тинктуры взбудрил. Пустой флакончик прицельно полетел в голову Рафата Шурафовича, чей силуэт чётко темнел на фоне открытой двери. Тупо ударившись об лысину, пузырёк отлетел в угол, в темноту, где спал интеллигент. Никто не пробудился. Рафат Шурафович, правда, перестал храпеть и беспокойно завозился на своём ложе. Старику приснилось, что врач во время утреннего обхода тюкнул его по макушке своим чёрным молоточком.

«Крепко спят. Это хорошо. Жалко, что подковы с собой нету», – подумал Толян. Этот незаменимый предмет не позволила взять в больницу сестра.

Этой ночью яркие майские звёзды сулили Толяну мир и покой. Но он не хотел покоя – демон гнилых амбиций дразнил душу. Лукавый червь борьбы и вождения подстрекал её к опасным действиям.

* * *

Маша Дронова, дежурная медсестра, читала детектив, где какие-то страшные злые злодеи кого-то сперва похитили, а потом убили. А может, наоборот. Маша была культурной девушкой – чтение книг увлекало её не меньше, чем распитие спиртных напитков. Поэтому она не заме-

тила бесшумную изломанную тень, прозмеившуюся вдоль коридорной стены к сестринскому посту.

Быстрая сталь мелькнула в уютном свете настольной лампы. Маша Дронова едва успела оторвать взгляд от книжки...

Хрипов перерезанной глотки никто не услышал. Накачанная всякой дрянью неврология смотрела свои больные сны.

* * *

– Ты кто?

Толян невозмутимо разглядывал рассеившееся на полу возле унитаза существо. Существо, тоже невозмутимо, даже не глядя на Толяна, продолжало своё занятие – вырезание скальпелем кусков плоти из покойной медсестры Маши Дроновой.

Глубокой ночью, измученный бессонницей и бездеятельностью, Толян пошёл в толчок курить. Огромная лужа крови на сестринском посту, в которой намокала растрёпанная книжка, его не напугала и не удивила. От поста до двери сортира явно протащили по полу истекающее кровью тело. Толян стал наступать в кровь и с интересом смотрел, как тапочки оставляют на сером линолеуме красные следы. Вспомнив, что хотел покурить, он оставил это занятие и двинулся в туалет.

Там он и встретил существо. Оно чем-то напомнило Толяну родного дедушку Ивана. Когда дедушку нашли на чердаке через две недели после отравления самогоном, старичок выглядел примерно так же.

– Эй, я тебя спрашиваю... Ты что за чудо?

Существо покосилось на Толяна узкими гноющимися глазами. Глубокомысленно вертя в пухлых, почти детских пальчиках какую-то кровавую фигию из медсестринского нутра, оно проскрежетало:

– Я Жумейло-жихарь.

Немного помолчав, существо добавило:

– Я надпочешники очень люблю. Пососёшь надпочешник – сразу жить охота...

– А без этого не охота, что ли?

– Конечно, не охота. Я же народный умерец... Где народ умирает – там и я.

– Так.

Толян призадумался. Народные умерцы ему никогда раньше не встречались.

– А ты откуда? Я тебя раньше никогда не видел.

Умерец захихикал.

– И не мог ты меня видеть, дурачина... Я в простенье обитаю.

– Это где такое?

– А стены невидимые, которые меж душами людскими и всем вечным вселенским миром стоят. Внутри стен этих и живу я. Понял?

– Не понял я ни хрена... А на хуй ты Машку замочил? Ради надпочечников, что ли?

Жумейло-жихарь ткнул в сторону Толяна скальпелем. Толян попятился, роняя раскуренную было сигарету.

– Вот она, моя отмычка к башке твоей... Сталь да кровь... Да страх ваш глупый...

Синюшная, опухшая лапа Жумейлы нарисовала на голубом кафеле кровавую корявую свастику.

– Ты зачем это нарисовал? Ты разве фашист? – Толян с удивлением увидел, как на лысой голове Жумейлы-жихаря появилась нацистская каска.

Умерец широко раззявил окровавленную пасть – холодная струя зелёной вонючей жижи ударила из неё Толяну в лицо.

Этой мерзости Толян не стерпел. Плюясь и шипя, как обиженный кот, он подскочил к умерцу и вырвал у него скальпель. Вялая холодная рука не оказала никакого сопротивления.

– С-сука ты! Нежить сраная! Нечисть, ёб тебя!..

Скальпель быстро замелькал в воздухе, кровь забрызгала унитаз, забрызгала с ног до головы Толяна.

Звёздные вихри забушевали в голове. Сотни, тысячи голубей закувыркались вокруг Толяна дьявольскими молниями – они сшибались грудь в грудь, покрывая зассанный и окровавленный туалетный пол своими сизыми перьями.

– Что это?! Караул, помогите! На помощь! Здесь убивают! Убийца!!! А-а-а-а!!!

Многоголосый хор вразнобой завопил за спиной, пытаясь криками своими сокрушить Толяну сердце. Стиснув зубы, он бил и бил скальпелем поганую плоть, стараясь не слышать воплей.

И тут другие умерцы ворвались в туалет и бросились пинать Толяна, ломать ему руки. Он сопротивлялся им, сколько мог. Проваливаясь в темноту, в сатанинское простенье – обитель злых духов, пожалел Толян лишь о недокуренной сигарете.

* * *

– ...пошёл я, значит, ночью поссать, а в туалете, значит, Толян, медсестру кромсает... Я в крик – он на меня! Ё-ё... Хорошо вот ребята с третьей палаты выскочили! Повязали этого гада! Охрану вызвали! Я думал – ну всё, зарежет он меня!

Грабуткин с явным удовольствием пересказывал собравшейся вокруг толпе подробности ночной трагедии.

– А зачем он свастику на стене кровью нарисовал?

– Да хуй его знает... Кто их поймёт, сумасшедших...

Тощий интеллигент, к неудовольствию Грабуткина, тоже встрял:

– А за вотделением-то с инфарктом слёг, когда узнал... Теперь наша выписка затянется... М-да...

– Я сразу понял: чокнутый этот прохвост. Чокнутый, как последний шайтан! Нельзя таких в одной больнице с нормальными людьми держать! Ай-яй-яй, что творится!

Огласив этот вердикт, Рафат Шурафович обнюхал извлечённый из задницы палец и, сползши с кровати, зашаркал к холодильнику.

17 апреля 2005.

ДЕНЬ СВИНЬИ

Один козёл в жертву за грех.

(Ветхий Завет, гл.7, ст.16)

Не тронь без нужды скота моего, и не служит скот разврату сынов человеческих. Ибо совокупляющийся со скотом крупным и мелким смертию умрёт, и истребится душа его из народа моего.

(Откровения Велакееля, гл. 45 ст. 102)

В этом мире нет ничего лучше доброй резни. Это ещё папаша мой, горись ему хорошенько в аду, говаривал. А уж батя-то понимал толк в настоящей жизни, да. Помню, когда мы кололи свиней, это был целый праздник. Батяня ещё с вечера вострил свой знаменитый «свинорез», а мы, завистливо сверкая глазами, крутились вокруг. Папаша, сощурившись, долго любовался ножом, пробовал на палец «вострость» и в шутку замахивался на нас: «Заколю

поросят!». Мы, подыгрывая ему, с дурашливым хрюканьем начинали нападать. Заканчивалась игра «великой резнёй» и все «поросята» отправлялись «на колбасу».

А на рассвете начиналась настоящая резня. Замахнув стакан первачка, папаша бухал кир-зачами по грязи к сараю, где ожидали своего свинорылые. Мастер он был по забою – его часто приглашали даже в другие деревни. Отец ни разу не отказал: так любо ему было это дело.

Мы, то есть я и мой младший брательник Лёха, всегда подсобляли папане. Наша задача была в том, чтобы крепко удерживать поросю, пока папаня ловко и аккуратно всаживал «свинорез» животине в сердце. Истошный визг тут же обрывался, сменяясь предсмертным хрипением. Лезвие ножа быстро перерезало свинье глотку, чтобы выпустить кровищу. Под густую ароматную струю подставлялся заранее приготовленный стакан. Затем неостывшая ещё кровь разбавлялась самогонкой, и мы по папашину обычаю пили «за упокой». Вот так, с детских ещё лет мне и полюбились вкус кровищи и добрая резня. И любовь к животным оттуда же.

Ведь как взглянешь на мёртвого свинёныша, так – господи помилуй! —такая сладость в груди поднимается, аж страшно! Лежит он такой невинный, с горлышком перерезанным – ну чисто младенец после встречи с царём Иродом. И хочется обнять его, и приласкать. Однажды, когда никого рядом не было, я так и поступил. И стало мне так прекрасно, такое блаженство я испытал – прямо отпущение грехов.

Время скачет куда-то к едрене-фене, и вот уже родителя моего давно в живых нет. Как-то на светлый праздник Рождества ему по пьяному делу один мужик из соседней деревни Говнеево вилами брюхо распорол – так что всё нутро наружу и вывалилось. Такие происшествия у нас – дело обычное. Брат мой, Лёха, срок мотает: училку из нашей школы снасиловал, да потом башку ей поленом растюкал, чтоб не проболталась. Двенадцать лет ему за эту стерву дали. За удовольствие, значит, теперь расплачивается.

Я же после службы на военно-морском флоте, на славном крейсере «Адмирал Кочерыжкин», домой возвращаться не захотел. Что мне, бравому мариману, в этом рассаднике навоза и бескультурья делать? Посему после дембеля подался я в город Литейск. Думал: поступлю в институт, женюсь на городской, на дочке какого-нибудь начальника. Повышу свой социальный статус, стану большим человеком. Да хрен вышел.

Перво-наперво обломался я с институтом. В Литейске их два: тяжёлой промышленности и педагогический. Первый я сознательно отринул, а во втором профессорё очкастое завалило меня на экзаменах. Видно, ждали, когда я им на лапу дам, – а откуда у меня бабки, я же не новорусская гнида какая, а нормальный деревенский мужик.

Но, поскольку возвращаться в родимое убожество у меня никакой охоты не было, я решил – как угодно, хоть соплём размазаться, – а остаться в Литейске. К счастью, разыскал я земляка – корешка своего бывшего, Петро. Он старше меня на пять лет был и в город перекатился ещё до того, как я служить родине ухерачил. В привокзальной тошниловке «Каспийское море», куда мы с ним перекусить забурились и потрепаться за жизнь, я поведал старому корефану свои беды. Петро обещался подсобить. Он, как выяснилось, шоферил на местном мясокомбинате и там у него имелись кое-какие связи.

Так я очутился на Литейском мясокомбинате имени Надежды Константиновны Крупской, названном так потому, что в каком-то то там древнем году революционная бабка присутствовала при его закладке. В народе это заведение величали просто «мясорубкой». И на этой-то «мясорубке» я очутился в нехилой должности – боец скота. Вот тут-то мне и пригодились полученные в детстве навыки.

Работу я полюбил, быстро вошёл во вкус и сам удивлялся: как это мне хотелось раньше чего-то другого в жизни? Мечты об институте утонули в лужах крови на бойне. Оклад мне определили подходящий. Жильё дали в общежитии: комнату на пару с одним мужичком, Василием Ивановичем Травкиным. Он работал электриком на этом же мясокомбинате. Мужичок был тихий, покладистый. Напивался только на выходные, да и то без буйства.

Меня по моей просьбе поставили на свиней. Очень нравится мне это животное. Наш «дорогой россиянин» даже любит жрать шпик, сосиски, пельмени и другой укрепляющий здоровье продукт из его нежной плоти. Свинья потому такая вкусная, что очень она умная. Да, да, умная. Что бы там ни брехали учёные шибздики, а умнее свиньи твари нет. Это вам любой колхозник подтвердит. Ведь от свиньи и мясо, и сало, и поросята. А от ихней научной обезьяны что? Ничего, кроме дерьма. Свинья спокойно принимает своё божье назначение, а обезьяна – бестолковая, голожопая тварь. В жизни не смыслит ни хрена, скачет всё по своим лианам, а пользы не приносит, помирать на благо человечества не желает. Так кто же после этого умнее? Конечно, свинья. От кого польза, тот и умнее – я так себе это дело понимаю. И вот, свиньи дошли от моих рук людям и мне на радость.

Убойный цех представлял собой небольшой дворик, куда скотину гнали из цеха предубойного содержания. Свиней, чтобы не трепыхались, сначала глушили током. Затем подвешивали за задние лапы к специальным крюкам, приваренным к перекинутым над двориком рельсам, и перерезали глотки. И —хотите верьте, хотите нет, – но глядя, как дёргаются в агонии висящие туши, как хлещет в выложенный кафелем жёлоб кровь, я почувствовал, что... В общем, на женщин я теперь и глядеть не мог. Постоянно стала преследовать меня одна и та же фантазия: привожу я домой поросёнка – маленького, нежного, с блестящей розовой кожей, с умными лукавыми глазками, с умильным пяточком, смешным хвостиком и звонкими копытцами. И вот я начинаю его ласкать, гладить, а он нежно похрюкивает от счастья, прижимаясь ко мне. Я беру большой острый нож. Его яростный блеск тревожит и смущает меня. Мне не хочется делать ЭТОГО, но я должен. ЭТО – мой долг. Поросёнок грустно, с пониманием смотрит на меня, из глаз его текут слёзы. Я тоже плачу. Плача, я всаживаю нож прямо в сердечко крошечного существа. Взвизгнув и печально дёргнув лапками, оно издыхает. Я перерезаю ему горло от уха до уха. Припадаю к разрезу ртом и целую его, поглощая густую, красную жидкость. А затем я люблю его, моего поросёнка, просто и бесхитростно, как любят женщин. И это всё. Идея эта постоянно донимала меня, не давала покоя и во сне. Желание нарастало, и противиться ему не имело смысла. Наконец, я решился.

После нескольких месяцев работы на «мясорубке» я скопил достаточную сумму и достаточно хорошо обжился на новом месте. Поэтому особых препятствий для осуществления своих замыслов я не увидел. Поросёнка я запросто приобрету на рынке – думал я. Сосед мой, Травкин, с недавних пор на выходные стал исчезать из общаги. Он, по его словам, познакомился с одной скучающей вдовушкой, и с субботы на воскресенье зависает у неё. Так что, на целую ночь наша комнатёнка оставалась исключительно в моём владении.

В осеннее тёплое субботнее утро, пока я лениво курил в постели, Травкин собирался к своей подруге и рассуждал о последних городских происшествиях. Я по жизни не любитель чтения – не читаю даже газет. А чего там читать: одни олухи пишут для других, чтобы те читали и верили.

А Василь Иваныч не из таких. Попадётся, бывает, ему газетёнка какая-нибудь стрёмная, так он всю её изучит от корки до корки, а потом весь вечер пересказывает. И кайфует, гад, так, что тошно делается. Сколько раз мне хотелось за это в немытое его ухо заехать. Вот и на сей раз он затянул эту же канитель. Напустив на себя зловещий, как ему казалось вид, Травкин сообщил, что во вчерашней газете написали про маньяка, который ловит, насилует и душит баб. После с их трупами проделывает разные гнусности. Уже, мол, трёх бабёнок отоварил таким манером. Мне на всё это было насрать – подумаешь, маньяк, у нас в деревне и не то ещё творилось. Кроме того, мне не терпелось побыстрее спровадить болтливую электрика.

– Ладно, Василий Иваныч, мне тоже собираться надо.

– А что такое, надумал гульнуть хорошенько?

– Да решил вот скататься в родные края, своих навестить. А то давно уже у них не был.

Травкин уставился на меня своими фиолетовыми глазами и какая-то довольная усмешка изобразилась на бледненьких его губах.

– Своих проведать? Стоящая затея. Своих нельзя забывать. Я вот один на свете, мне и проведать некого... А вернёшься когда?

– Завтра вечером вернусь, с последней электричкой. Колбаски домашней привезу, – ты здесь никогда такой не попробуешь.

Когда Василь Иваныч наконец ушёл, я стал обдумывать предстоящее дело с поросёнком. Соседи ничего не должны пронюхать: большая часть из них по выходным дома не ночует, а оставшиеся, как правило пьянствуют, и им будет не до меня. Да и я малый не промах – сделаю всё так быстро, что поросё и хрюкнуть не успеет. Сложнее всего представилось мне протащить поросёнка на вахте, но и тут я нашёл выход: накачаю хрюшку слегка водкой с димедрольчиком – и порядок. Резать буду в ванне: грязи меньше – во-первых. Во-вторых, холодная вода протрезвит кайфующего поросёнка и он будет вести себя бодрей, так что сильнее возбужусь. И в-третьих, я надеялся, что шум воды заглушит звуки убийства. Да и вообще, если меня застанут за резнёй – прикинусь шлангом, скажу: родичи, мол, прислали поросёнка, отбивнушками меня свеженькими полакомить захотели. А что в ванне общажной забиваю, так я же деревенщина необразованная – откуда мне знать, что в городе можно, а что нет. Главное, чтобы никто не догадался, зачем мне этот поросёнок на самом деле нужен.

Литейский рынок – место по выходным дням оживлённое не в меру. Окрестные селяне съезжаются сюда продавать городским плоды трудов своих по «разумной цене». Картошка, огурцы, яйца, молоко и сметана меня не интересовали. Я направился напрямик туда, где у подножия памятника Социалистическому труду торговали живностью: рыбой, курами, цыплятами, гусями и поросятами маленькими. Найти то, что мне было нужно, великого труда не составило. У хитроватого полупьяненького мужичка я сторговал очень миленького поросёнка, весом килограммов в пять, только-только разлучённого с маткой. Он смешно похрюкивал и дрыгал ножками, когда я запихивал его в большую дорожную сумку.

Неподалёку от общаги я, зайдя в тихий безлюдный дворик, из бутылочки с соской напоил свою покупку загодя приготовленным «лекарством». Впрочем, предосторожности не особенно и нужны были. Старуха-вахтёрша пьяно клевала носом за своей стойкой и лишь глухо икнула в ответ на моё приветствие. Где-то на первом этаже голосил чей-то магнитофон, неслись по коридорам песенки Филиппа Киркорова. Напевая : «нее-баи-и-земля-ааа...», я поднялся к себе. Мне нужно было переодеться в рванину, которую после я выброшу, и, самое главное, взять – большой охотничий нож. Проверив поросёнка, который теперь мирно сопел в сумке, я натянул старые, заляпанные краской джинсы и сильно заношенную футболку с какой-то ненашенной надписью. Выглянув в коридор и убедившись, что там никого нет, я подхватил сумку с поросёнком и захлопнул дверь. И быстро зашагал в ванную. На каждом этаже – по две ваннные комнаты: мужская и женская. Горячей воды у нас почти никогда не было, и пользовались ими поэтому редко. Купаться общажный люд топал в баню или к знакомым. Мне вполне хватало душевой на работе. Но сейчас эти ванны были мне вот уж действительно ПОЗАРЕЗ нужны.

И вот, долгожданная мечта моя близка к исполнению. Трясущимися от вожделения руками я извлёк сомлевающего хрюшу из сумки и с трепетом поместил его в побуревшую, с побитой эмалью ванную. Поросёнок, недоумённо похрюкивая, завертел башкой. В его чёрных глазках не было того, что я ожидал увидеть: ни умиления, ни понимания, ни сострадания. Вообще ни черта в них не было. Это сильно огорчило меня. Я открыл воду. Тугая холодная струя произвела на свинёныша очень сильное впечатление...

Пронзительно визжа, он предпринимал отчаянные попытки выбраться из ванной. Это было далеко не то, что мне бы хотелось, но медлить было нельзя: визг этого маленького труса мог навлечь на меня неприятности. Схватив вопящего малютку за передние лапы одной рукой, другой я вогнал в вырывающееся тельце клинок. К несчастью, я просчитался: поросёнок в этот

момент дёрнулся как-то особенно резко, и нож – вместо того, чтобы попасть ему в сердце, – скользнул по рёбрам и распорол брюшко. Ванная, моё лицо и футболка вмиг окрасились красным. От хриплого предсмертного визга чуть не заложило уши. Закативший глаза поросёнок рвался из моей руки, топча задними копытцами свои внутренности. В этот момент я вспомнил трагический конец отца – тот ведь тоже погиб при схожих обстоятельствах. Испытывая невероятной силы возбуждение, вторым ударом я dokonчил злополучное существо. Дело было сделано.

Бросив нож, я схватил моего поросёночка и стал жадно облизывать бедное тельце. Сладкий вкус его невинной крови вознёс меня прямо на небеса... Неудержимая страсть овладела мной. На свете не найти существа чище, благородней, прелестней и желанней, чем поросёнок. Что человеческие отродья по сравнению с ним! Задыхаясь от вожделения, чувствуя, что сердце разорвётся, если немедленно не удовлетворить своё желание, я, извиваясь, стянул с себя штаны. Мой пылающий факел стоял твёрдо, как часовой у Мавзолея. Всё в мире утратило смысл... Не было больше мира. Было лишь это прекрасное дитя свинячей расы и моя любовь к нему! Опустившись на колени перед трогательным трупиком, я стал макать член в тёплую ещё кровь. Как же это было приятно!

– Е... тебя клюшкой! Ты что же тут вытворяешь?!

Проклятье! Я забыл запереться, и вот к чему это привело: в дверях стоит, раскачиваясь маятником, пьянящий хмырь Абрашечка, пузатый лысый приёмщик скота. Какого беса понадобилось ему в ванной? С туалетом перепутал? Или услышал шум? На опухшей роже этого чужды ужас и отвращение. Он сам не рад, что застукал меня, и теперь соображает, что делать. Я медленно поднялся с колен. Алые капельки падают с моего стоящего члена. Абрашечка уставился на него, как на диво-дивное. Растерянность его пьяной рожи сменилась похотливенькой улыбочкой. Закрыв дверь, Абрашечка вразвалку подошёл ко мне и, оперевшись на кафельную стенку, вкрадчиво так произнёс:

– Ну? Что делать с тобой будем, сынок? Маньячок ты наш.

Смысл снова вернулся в мир, вернулся в лице пьяного ублюдка Абрашечки. О, как невыносимо, больно и тоскливо стало мне!

– Да, нехорошими делами, мальчик, занимаешься, очень нехорошими. А вдруг узнает кто? Хорошо, что я тебя застукал, я человек неболтливый. Я и сам люблю всякие игры. Например, я очень хорошо играю на трубе.

Гаденько хихикнув, Абрашечка осторожно дотронулся до моего члена.

– А тех трёх дур случайно не ты грохнул? А? Впрочем, никто и не узнает, дай только на трубе разик поиграть.

Я загорелся чёрной злобой к этому похотливому старому козлу. Он осмелился встрять между мной и поросёнком! Он плюнул грязной слюной своей в чистое озеро Любви! Такое не прощается... Уж лучше бы он по-честному настучал на меня!

...С каким наслаждением я убивал Абрашечку!словно безжалостный ангел возмездия, колбасил я ножом это жирное брюхо, эту подлую физиономию! Его поганую пасть я заткнул своими трусами. В конце ему удалось выплюнуть их, но кричать у него уже не было сил. Захлебываясь кровавой пеной, Абрашечка просипел: «Мама, мамочка моя...» и отдал концы.

Судьба благоволила ко мне: общага нынче, можно сказать, пустовала. Быстро как мог, я утащил поросёнка и Абрашечку в свою комнату. Так. Только бы Травкину не взбрело в ум вернуться сегодня! Ванную комнату и коридор я тщательно вымыл: и пятнышка кровавого не осталось... Грязную одежду сунул в пакет: завтра утром выкину вместе с Абрашечкой. Поросёнка я разделал на аккуратные аппетитные куски и, упаковав в целлофан, снёс вниз, к коммendantу тёте Маше – у неё был холодильник. Тётя Маша уже лыка не вязала, но что от неё хотят – сообразила. Наверняка килограммчик украдёт, ну да чёрт с ним.

Теперь предстояло самое сложное и противное. В моей каморке находился Абрашечка – дохлый и жирный кайфолом. Его предстояло также разрезать на кусочки, упаковать в сумки и, снабдив несколькими кирпичами, завтрашним ранним утром зашвырнуть в местную речушку Яицкую.

Ох, и намаялся же я с этим прохвостом! Пилы у меня не было, а пилить кости обычной ножовкой тяжело даже такому здоровяку, как я. Только поздним вечером, а точнее, уже ночью, работа с Абрашечкой была закончена. Две большие дорожные сумки с ним стояли на полу. Устал я очень. Выпив полбутылки «Рябины на коньяке» и скулив целую пачку сигарет, упал прямо в одежде на кровать и тут же заснул. Снился мне покойник батя. Он скакал верхом на свинье, грозно потрясая вилами, и кричал: «Заколю поросят!». Мы с поросёнком убегали и прятались от него по всему мясокомбинату. Нам мешала Крупская, – она со злорадным смехом палила в нас из карикатурно большого, мультяшного дробовика. Где-то рядом был Абрашечка: «Мама, мамочка, убей их пожалуйста! Они сделали мне нехорошее!»

Проснулся я от какого-то шороха. Полная луна освещала комнатушку не хуже светильника. Я наострил уши. Шорох послышался вновь – это шуршал ключ в замочной скважине. Дверь с негромким скрипом приоткрылась и в комнату прошмыгнула тень. Вытащив из-под подушки нож, я быстро встал и зажёл свет. Василий Иванович Травкин довольно жмурился, добродушно глядя на меня. Весь с ног до головы в крови, он держал в руке окровавленный топор. Усмехаясь в усы, электрик вдруг в несвойственной ему задорной манере спросил:

– Ну что, привёз от родичей колбаски домашней? Жрать очень хочется.

– Василь Иваныч! Что с тобой? В чём это ты?

– Это? – Оглядев себя, Травкин брезгливо поморщился. – Да шушеру эту внизу на вахте проучить пришлось. Пускать падла, не хотела.

– Вот, – он поднял к потолку пожарный топор, – ещё Достоевский рекомендовал как лучшее средство борьбы с вредными старушками.

Перешагнув через сумки, Василий Иваныч плюхнулся на свою кровать.

– Вот, сегодня снова троих оприходовал. Идём на мировой рекорд. Куда их Джеку-потрошителю до нашего Василя Иваныча! Догоним и перегоним! Вот отдохну малость и пойду дальше план перевыполнять.

– А тут у тебя чего? – Травкин пнул сумку. – Жрачки из деревни понавёз? Молодец!

Он открыл сумку и извлёк из неё Абрашечкину руку.

– Это что? Колбаса? Сосиски в тесте? Ха-ха-ха! Что-то больно волосатая твоя жратва! Читай завтрашние газеты – я стану знаменит, как Чикатило! Что молчишь, деревенщина? Давай поедим.

Абрашечкина рука, видно, не отличалась хорошим вкусом: пожевав её, Травкин сплюнул и отшвырнул мясопродукт в сторону.

– Дрянь у тебя колбаса! И родичи твои дрянь! И сам ты тоже не лучше! К концу готовься, пацан!..

Вязкая, зеленовато-жёлтушная слюна словно паутина свисала из его рта. Остекленевшие глаза излучали смерть. Всё случилось предельно быстро: топор взбесившегося маньяка-электрика вместо моей головы врубился в дверь и застрял в ней. А вот охотничий нож – тот с хрустом вонзился в травкинское горло по самую рукоять. И никаких рекордов после этого Василь Иванычу побить не удалось.

С тех пор прошло почти полгода. Я вернулся в свою деревню совсем недавно: пока тянулось следствие, надо мной тяготела подписка о невыезде. Василий Иванович Травкин оказался тем ещё типом: ухайдакал кучу народу – то ли десять, то ли пятнадцать человек. Абрашечку тоже списали на него. Нашли у Травкина в вещах дневник, в котором он подробно всё описывал: где, кого, как и зачем. Он мнил себя величайшим убийцей всех времён и народов или что-то в таком духе. Совсем тронутый мужичок был. А с виду так вполне нормальный, приличный

человек. Под меня мусора тоже поначалу копали: хотели привлечь за превышение самообороны. Но ни хрена у них не вышло. Адвокат доказал им, дуракам, что я защищал свою драгоценную жизнь, и мне ещё орден нужно дать за уничтожение особо опасного злодея.

Нет, жить в деревне всё же лучше. В городе атмосфера нездоровая: того и гляди в тюрьму загремишь или палёной водкой траванёшься. А здесь, в деревне, благодать: воздух свежий, самогонка ядрёная, да и свиньи, опять же, всегда под рукой. Вон, у меня их полон двор бегает...

УРОД

К старости Виктор Иванович начал усыхать. Причём как-то сразу. Он и так-то великаном не был – что называется, плюнь и разотри, а тут вдруг враз усох до размеров просто непристойных. Настолько непристойных, что семейный кот Барсик запросто стал гонять его по квартире. Домашние, чтобы как-нибудь не наступить на Виктора Ивановича или не уронить молоток ему на голову, велели усыхающему постоянно находиться в коробке из-под ботинок. Там он и лежал, закутанный в старую детскую кофту, тихо мечтая об убийстве Вселенной.

Выбирался лишь по ночам, когда всё погружалось в ступор. Ночью-то Виктору Ивановичу была самая жизнь. Ночного Виктора Ивановича начинал бояться даже враг его кот. Когда Виктор Иванович корявенько семенил к котиному лотку с песочком справить нужду, Барсик забивался на верхнюю полку кладовки и тихо, с истерично-загробными интонациями завывал в пыльное пространство.

Чуждая всему живому Луна светила в погасшие окна, гудел ночной ветер среди каменных стен – Виктор Иванович взбирался по занавеске на подоконник, смотрел и слушал. Великое и грозное Ничто увесистой антрацитовый змеёй извивалось за окном, и только грязное стекло отделяло змею от Виктора Ивановича. Тускленьким болотным огоньком приходило к печальному карлику мелкое понимание. Видел Виктор Иванович, что он – и нынешний, и вчерашний, и завтрашний – есть не что иное, как лишь слабенькое отражение в кривом зеркале. Зеркало это принадлежало непонятым богам, спящим где-то глубоко в безграничности.

В такие секунды жалкую душонку Виктора Ивановича охватывали тоска и гневливый страх. Начинал он беззвучно вопить яростными ультракриками и кататься по подоконнику, переворачивая горшки с традесканциями. Утром в этом погроме обвинялся кот. Кота таскали за шиворот, обзывали свиньёй и сволочью. Виктор Иванович сумрачно скорбел в своей коробке. Барсик не любил его всё сильнее, презирал ещё обиднее.

Вскоре все, кроме кота, про Виктора Ивановича забыли. Коробку запинали под старую тахту в коридоре: в самую пыль, в залежи тараканьих трупов. Впрочем, это было и к лучшему. Пока помнили о Викторе Ивановиче, он ничего, кроме тыквенных семечек, скармливаемых ему по совету врача, не ел. Только лежал в коробке и плакал. Теперь же, всеми позабытый, он принуждён был сам добывать себе пропитание. Питаться Виктор Иванович стал тем, что удавалось ночью изъять из тарелки у кота, да ещё разнообразными огрызками, обильно разбросанными по полу тут и там. Иссохшие колбасные шкурки, куриные косточки и чёрствые бородинские корки сделали своё дело. Микроскопические параметры Виктора Ивановича наполнились сухощавой подвижной мощью и подпольной inferнальной прытью. Барсик теперь и днём избегал поддиванного жителя.

Виктор Иванович стал увереннее и злобнее. Страх ушёл из его души, и душа из жалкой и расплывчатой сделалась твёрдой и свирепой. Непонятные боги перестали быть непонятными, а безграничность засветилась родным.

Многое выдало Виктору Ивановичу свои скрытые, потаённые очертания. Прозрел он огромные провалы между самими вещами и их внешней сутью. Жирный мрак, выползавший из провалов густыми липкими облаками, делал мир почти невидимым и неосязаемым. Виктор Иванович, быстрый и юркий благодаря своей карликовости, сумел однажды, уворачиваясь от

хищной завесы мрака, увидеть своё подлинное «Я». Увиденное ужаснуло его, но того более – привело в неопиcуемый восторг. Недоступная доселе красота, состоящая из чудесных сочетаний свободы и уродства, сверкнула белой молнией на фоне постылого Ничто. Делать тут теперь Виктору Ивановичу стало больше совершенно нечего. Он попрощался с котом и ушёл. Кот торжественно-зловеще сверкнул глазами вослед. И с тех пор Виктора Ивановича здесь уже точно никто и никогда не видел. Даже кот.

13 августа 2007 г.

МЯСО

В одном очень-очень среднем городе, в самой что ни на есть средней школе, среди ужасно средних детей, был один средний-средний среднестатистический ребёнок мужского полу. Ничем он не выделялся. Так же, как и большинство нормальных детей, получал двойки по математике, не любил физкультуру и боялся хулиганов.

Жил ребёнок в большом девятиэтажном доме на краю города. В таких домах всегда обитает много бесполезных людей, которые прячутся друг от друга за железными дверями, а по выходным пьют водку.

Родители ребёнка исключением не являлись. Всю неделю они работали с утра до ночи на заводе, делали всякие железяки, а в выходные пили водку и ругались. Ругались из-за того, что у них мало денег.

– Да что это за хрень такая! – кричал отец, выпив очередной стакан, – Работаешь с утра до ночи, а денег нету ни хуя!

– И когда это всё наконец кончится?! – вторила ему мать – Денег нету ни хуя, а за квартиру уже третий месяц не плачено. А скоро, между прочим, зима. А у меня сапог нету! И новой сумки!

– Заткнись, сука! – зверел отец, – только о себе вечно думаешь! Я вон тоже год уже в одних носках хожу и ничего! Не помер!

– Да ты бы хоть иногда их стирай, уёбок несчастный! И я тебе не сука!

После такого короткого, но энергичного разговора следовало обычно обоюдное нанесение телесных повреждений лёгкой и средней тяжести. И так было каждые выходные.

В школе нашего среднего мальчика учили любить родину и ещё немножечко всему остальному. Средне так учили. Потому что считалось, что лучше и не надо. Средних мальчиков много: всех хорошо учить – жирно получится. Умники нам не нужны, – говорили учителя, – мы ведь не Эйнштейны какие-нибудь. Главное, чтоб наши засранцы родину любили. Поменьше Платонов и Ньютонов, побольше Павликов Морозовых и Александров Матросовых.

Как-то весной, слякотным утречком, средний мальчик шёл в свою среднюю школу. Учиться ему совсем не хотелось. Под ногами хлюпала грязь, а он мечтал о летних каникулах.

– Эй, мальчик! Постой, что скажу!

Ребёнок посмотрел по сторонам: кто это его зовёт? И увидел: на старом бетонном заборе сидело Мясо.

По виду Мясо было не особенно свежим. Да и пахивало от него... Но в целом выглядело оно безобидным. Даже дружелюбным. Мальчик редко видел вокруг себя дружелюбие. Поэтому он остановился поболтать с Мясом.

– Привет, Мясо! – сказал мальчик. – Ты чего здесь делаешь?

– Да вот, сижу... – ответило Мясо. – А ты, я вижу, в школу собрался?

– Ну да, в школу, – вздохнул мальчик, – а куда ж ещё мне идти?

– Ну, есть много замечательных мест, куда ты мог бы пойти вместо школы – многозначительно прищурилось Мясо.

– Это что же за места?

– Ну, например, комбинат по переработке малолетних идиотов в доброкачественные продукты питания.

– А там интересно?

– Просто ужас как.

– А эт где?

– В-о-он в том маленьком сарайчике, за пустырём...

– А как же школа? Мне неприятностей не хочется.

– А я за тебя пойду. Мне не трудно. Ну, если хочешь, конечно... Никто ведь и не заметит, что ты это не ты.

– А как ты пойдёшь, у тебя же ног нет...

– Не бойсь друг, чё-нибудь придумаю.

Мясо, хлопая рёбрами, выдвинуло из себя два обглоданных мосла и ловко спрыгнуло на них с забора. Взяв у мальчика ранец с учебниками и тетрадками, Мясо заковыляло к школе. А мальчик вприпрыжку поскакал к сарайчику, указанному Мясом.

С этого дня мальчика никто не видел. Зато в окрестных магазинах появились дешёвые котлеты «Школьный завтрак» и колбаса «Детская». Все их ели и нахваливали.

Мясо было право. Подмены никто не заметил. Ни в школе, ни дома. Так оно окончило среднюю школу, а затем средний институт и среднюю аспирантуру. А потом Мясо совсем протухло, и его с почестями выбросили на помойку. На помойке Мясо написало мемуар: «Как Мясо обмануло маленького мальчика». Под жужжание говёных мух оно читало свои воспоминания вслух голодным опарышам.

А что же маленький сарайчик за пустырём? Оказалось, что его арендовал злобный незаконный таджик. Он изготавливал колбасу и полуфабрикаты из тухлого мяса и сдавал их в магазины. Мясо тогда было молодо и не хотело умирать. Оно договорилось с таджиком, что если он отпустит Мясо, Мясо пришлёт более свежую замену. Так Мясо спаслось само и сгубило несмышлёного мальчика. А теперь Мясо исгнило совсем, и ему осталось только делать то, чему научили в школе – любить родину. Вот, собственно, и вся история. А вы чего ждали?

1 апреля 2008.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ

Мистицизм без поэзии – суеверие,

а поэзия без мистицизма – проза.

(Лев Толстой, «Воскресение»).

Он умер не сразу. Минут десять эта туша дёргалась со слюнявыми хрипами, пытаясь выбраться из гроба. Круглые белые глаза пялились в потолок, скрюченные обессиленные лапы тянули кол, пронзивший раздутое брюхо. Вонючая кровавая пена стекала с синих губ – расчёпанная борода напилась ею, моментально превратившись из седой в nepотpeбнo тёмную. Когда упырь наконец сдох, я вырезал его сердце. Это маленькое, как ссохшаяся груша, сердце вместило целые бездны злобы и ненависти... Я забрал его с собой.

Хлипкие ступени надрывно скрипели, когда я поднимался из подвала на свет божий. Словно причитали по тому, кто до сего дня таился здесь. Сегодня ещё одним обидчиком рода людского стало меньше. Да смилуется небо над твоей чёрной душой, богомерзкий граф Лев Николаевич...

Началось всё девять лет назад – когда я трудился экскурсоводом в Ясной Поляне. Работал я по преимуществу со школьными группами – мелкими сопливыми экскурсантами, под надзором педагогов совершающими паломничества по «святым местам». Не могу сказать, что такая

работа мне нравилась. Меня тошнило от неё. Но для выпускника провинциального педвуза, коим являюсь я, это место было козырным. Хотя бы потому, что позволило удрать из убогого сталелитейного городка на Южном Урале, где я имел несчастье родиться.

Именно в Ясной Поляне всё это и произошло. Начало положило исчезновение двух ребят-семикласников из Нижнего Новгорода. Помню, это было удивительно жаркое лето. «Если подростки со своей или с чужой помощью дали дубаря где-нибудь тут, их скоро найдут. По запаху», – лениво думал я, потягивая «Жигулёвское» в местном буфете. Милиция на предмет пропавших пацанов меня уже допрашивала – я не смог сообщить сыскарям ничего интересного. Пропали оболтусы уже после моей экскурсии. Их хватились на автобусной стоянке, когда пересчитывали. Тогда их так и не нашли – ни живыми, ни мёртвыми.

Примерно через неделю после этого инцидента у меня произошёл странный разговор с местным старожилом – Николаем Взбарабошиным. Николай занимался тем, что продавал туристам вырезанные из липы ложки и сплетённые из коры лапти. Как он уверял, именно в таких лаптях предпочитал ходить великий русский писатель после того, как его отлучили от церкви и предали анафеме.

– Снова Лев Николаич озоровать взялись.

Эти слова услышал я от Взбарабошина звенящим комариным вечером, когда сидел с бутылкой сухого белого на крыльце толстовской усадьбы. Чтобы спастись от комарья, я непрерывно курил.

– Чего-чего?

Взбарабошин, отмахиваясь связкой лаптей от комариного роя, полез в карман за сигаретами. Пока он рылся в брюках, я быстро допил остатки. Меня раздражала взбарабошинская манера изображать русского крестьянина в духе школьной хрестоматии. Ладно бы он юродствовал только перед приезжими...

– Да того... Опять граф-покойничек шляется по Ясной Поляне. Как после революции шлялись.

– Слушай, иди проспись.

– Видал я их светлость позавчера. Все в паутине, в белом дерьме каком-то, глаза дикие, как у волка. Погнались за собачонкой. Тут недалеко совсем, у дороги. Ухватили псину, хребет об колено... Бедная тварь.

– А потом?

– Потом вцепились в загривок и всю кровь из пса высосамши. Вот так. Сосут кровь, а у самих рожа синяя, как у Фантомаса. Ясно, что и пацанов тех они так же скончали. Как ту собачонку.

– Знаешь что, Николай... Вина больше нет!

– Понял, понял... ухажу.

Снова затолкав в карман с таким трудом извлечённые сигареты, Взбарабошин отвалил. И всё комарьё вдруг тут же исчезло.

* * *

На следующий день я доложил директору, что у Взбарабошина запой. И с Поляны его надо гнать, дабы не распугивал народ. Реакция начальства на сеймой стук была однозначной.

– Да. Этот хренов барыга-лапотник и меня достал. Поговорю-ка я с участковым, – озабоченно нахмурил жиденькие брови директор толстовского музея. Потомок самого Льва Николаевича, между прочим.

А через два дня исчезла уборщица Валентина. Исчезла, оставив после себя неприбранный директорский кабинет и перевёрнутое мусорное ведро. К тому же, вдруг оказались разбитыми все зеркала в бывшем жилище великого русского писателя.

Жёлтые шупальца паники зазмеились по коридорам усадьбы.

Власти задержали Взбарабошина. У него дома будто бы нашли окровавленную детскую одежду. Рассказывали, что Николай, когда у него шёл обыск, плакал и кричал, что не виноват, что это граф его заставил пацанов поймать. Ясную Поляну на время закрыли для посетителей. Говорили – в интересах следствия.

Ко мне в те дни начали приходить ночные кошмары. Я не звал их. Я был им совсем не рад. Но они приходили каждую ночь. Мне снилось, как тени заползают в мою комнату. Они были отвратительно живые, эти бесшумные скользкие тени, и вселяли в меня такой дикий страх перед ночью и темнотой, какого я не помнил с самого детства. Тени были ужасны и тем, что скрывали за собой кого-то ещё более мерзкого. Этот «кто-то» контролировал их и направлял на меня. Каждую ночь...

Я похудел и осунулся. У меня пропал аппетит и постоянно кружилась голова. Врач, к которому я обратился, выписал мне успокоительное, посоветовал хорошенько отдохнуть и думать только о хорошем.

Но о хорошем как-то не думалось. Тяжёлые, пропитанные влажной духотой ночи поселились в Ясной Поляне. И ещё одно – из окрестностей толстовской усадьбы исчезли все собаки и кошки. И птицы. Вместо жизнерадостных трелей утреннее солнце стала встречать угрюмая, напряжённая тишина. Это было даже не ненормальным – это было диким и необъяснимым. Как и то, что приключилось потом.

Был не очень поздний вечер. Я валялся в своей комнатёнке, пытаюсь читать. Из-за гнусной духоты противно побаливала голова. Комариные орды вынуждали держать окошко закрытым. Кровопийцы-то, в отличие от остальной живности, никуда не исчезли. Напротив: крылатого сброда стало будто даже больше.

Я надумал пойти прогуляться перед сном – вдохнуть свежего воздуха, выкурить сигаретку под открытым небом. Решил неспеша пройти до Старого заказа, до графской могилы.

Пока я шёл через парк, заметно стемнело. Меня непрерывно атаковали комары, от которых я отмахивался веточкой. Луна, большая и бледная, следила за каждым моим шагом.

Внезапно раздался крик. Я дёрнулся, будто наступил на оголённый провод.

– Помогите! На помощь!

Вопили где-то возле толстовского погоста. Бросив сигарету, я побежал туда.

– Помогите! Помогите-и-ии... А-а-а!!!

Вопль оборвался. Метрах в пяти передо мной замаячило что-то белое. Подбежав ближе, я рассмотрел нечто, ввергшее меня в шок.

На небольшой парковой лужайке под прозрачными лунными лучами лежал, раскинув в стороны руки, директор. Маска предсмертного страха застыла на его лице. А над ним... Над ним раскорячился чудовищный комар! Огромная, с овчарку, бледно-рыжая тварь воткнула в тощее директорское горло толстенный хобот. Брюхо монстра на моих глазах безобразно раздувалось, темнея от крови! Омерзительный бурдюк, к которому приделали щетинистые лапы...

Подхватив с земли кривую палку, я швырнул её. Палка глухо ударила комара в голову. Выросты-антенны над матовыми чёрными глазами зашевелились в моём направлении. Тварь выдернула хобот из горла жертвы. Крылья распахнулись, и нечисть, загудев, будто трансформаторная будка, взмыла в ночное небо.

Я подбежал к потомку великого писателя. Он как будто уже не дышал. Я пощупал пульс – обескровленное сердце молчало. Мёртв.

Но тут глаза директора раскрылись. Он засипел, как испорченный насос:

– Это был... он... Лев... Николаевич...

Это было последнее, что я услышал от несчастного наследника Ясной Поляны. Тело его вдруг вспыхнуло ярким зелёным пламенем. Я отшатнулся, прикрыв руками глаза. Через несколько секунд пламя исчезло. Исчез и директор. Лишь неприятный, резкий запах остался над местом, где он лежал. Запах, да немного странного желе на примятой траве.

Поминая господа бога, я бросился бежать.

* * *

Я заперся в своей комнате, зашторил окно и потушил свет. Почему я не вломился с отчаянными стонами к своим соседям по общежитию? Не поднял на ноги всех музейных сторожей? Не позвонил в милицию? А кто бы мне поверил?

Гигантский демонический комар и вспышка зелёного пламени, в котором исчезает твой начальник, – это далеко не повод беспокоить людей. Тем более – представителей закона. Если, конечно, не хочешь нажать серьёзных неприятностей.

Неприятности мне были не нужны. Поэтому я решил завтра же, прямо с утра, убраться куда глаза глядят и никогда никому не рассказывать о том, что видел.

Солнце ещё не всходило, а чемодан был уже упакован. Сидя на кровати, я пересчитывал имеющуюся наличность. Минут через сорок я буду уже в Туле. А оттуда рвану в Москву. Прощай, родина пряников и самоваров! Раз творятся тут такие дела – мне здесь не место...

В дверь тихонько постучали. Я испуганно замер, прекратив мусолить купюры.

– Откройте, пожалуйста... Вы там? Вы не спите?

Я узнал голос. Это была Валентина – пропавшая уборщица. Спрятав деньги в карман, я подошёл к двери. Рука моя уже потянулась к замку, но что-то вдруг остановило её.

– Кто там?

– Это я. Валентина, уборщица... Откройте скорее. Тут такое творится – я боюсь.

Я замер ошарашенно. Предрасветный визит человека, который внезапно исчез, а сейчас так же внезапно объявился... В момент, когда я собрался отчалить – ни раньше, ни позже. Чтoб тебя!

– Выйдите, сами посмотрите... Такой ужас!

Голос Валентины не был испуганным. Скорее, он выдавал нетерпение. И ещё в её голосе слышалось нечто, что я затруднился определить, но от чего проползла изморозь по спине. Да что же происходит такое в этом чёртовом месте!

Я с тоской посмотрел на окно. Второй этаж – выпрыгнуть можно.

– Подожди минутку, я не одет.

Проклятая верхняя задвижка на окне никак не поддавалась. Я провозился с ней около минуты. За дверью молчали. Наконец, окно распахнулось. Сгрёбши в охапку чемодан, я занёс ногу на подоконник. В этот же миг дверь вылетела от страшного удара с той стороны! И вместо того, чтобы прыгнуть в окно, я инстинктивно обернулся навстречу врагу.

Ко мне ворвалась Валентина. Это была жуть неопиcуемая! Гораздо худшая, чем адский комар, прикончивший директора.

Всколокоченные тусклые волосы извивались, будто змеи Медузы Горгоны. Вместо глаз – господи помилуй! – кровавые бельма... Зелёное лицо в синих и чёрных пятнах. Всё это я успел разглядеть за секунду до того, как сухие, увитые чёрными жилами руки сцапали меня мёртвой хваткой. С визгом и рёвом Валентина пыталась вгрызться в моё небритое горло, оглушая тухлой вонью из пасти. Я отбивался чемоданом, вопил и изо всей силы лягнул её в промежность – Валентина аж подлетела, но мой пиджак из своей когтистой лапы не выпустила. Мы оба грохнулись на пол. Я оказался сверху. Придавив голову твари чемоданом, правой рукой я колошматил озверевшую техничку по чему ни попадя. Она иступлённо извивалась, пытаясь скинуть меня. Клыки бешено грызли чемоданную ручку, жёлтые кривые когти норовили выколоть мои глаза. Изловчившись, я мощно врезал Валентине под дых. Стальная хватка ледяной руки ослабла, я вскочил на ноги. Швырнул в перекошенную ненавистью харю чемодан и зайцем махнул в окно.

Я упал в колючие кусты крыжовника, росшего под окнами. Над моей головой шумно зазвенело разбитое стекло – Валентина в облаке оконных осколков вывалилась следом. Я успел

отскочить. Лютая уборщица беспомощно корчилась и вертелась в изломанном крыжовнике. Широкий осколок оконного стекла воткнулся ей между рёбер. Шипя, Валентина пыталась вытащить стекло...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.